

*Л. И. Кузьмина*

### **В. В. ПУШКАРЕВА-КОТЛЯРЕВСКАЯ**

(по материалам архивов К. Р. и Н. А. Котляревского  
и по личным воспоминаниям)

Поэт К. Р., он же — великий князь Константин Константинович, оставил нам, кроме художественного (стихотворения, поэмы, драма, переводы, статьи), также и ценнейшее эпистолярное наследие. Большая часть переписки К. Р., в соответствии с его завещанием, хранится в Пушкинском Доме РАН в его личном фонде (№ 137). Но в несоответствии с его волей указом советского правительства в 1938 г. семейная переписка (вместе с его дневником) была передана в Москву, в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне: Центральный государственный архив Российской Федерации).

В настоящее время издана книга избранной переписки К. Р. с П. И. Чайковским, И. А. Гончаровым, А. А. Фетом, А. Н. и Л. Н. Майковым, Я. П. Полонским и Н. Н. Страховым,<sup>1</sup> подготовленная по материалам фонда 137. Письма К. Р. имеются и в других фондах РО ИРЛИ, и в отдельных поступлениях, а среди его корреспондентов — не только деятели русской культуры, но и иностранцы.<sup>2</sup>

В настоящем сообщении рассматриваются наиболее интересные письма К. Р. к Вере Васильевне Пушкаревой-Котляревской, хранящиеся в фонде ее мужа академика Н. А. Котляревского, которые посвящены в основном театру и, в частности, работе К. Р. над пьесой «Царь Иудейский» (РО ИРЛИ, ф. 135, № 1040).

Судя по архиву К. Р., их переписка (в фонде Котляревского ответов на письма К. Р. сохранилось немного; не исключено, что они находятся где-то в другом архиве, скорее всего — в архиве В. В. Пушкаревой-Котляревской в Софии) достаточно обширна и содержательна. За 1909—1915 гг. К. Р. написал своей корреспондентке 93 письма. Пожалуй, большее пристрастие среди женщин он испытывал только к своей сестре Ольге Константиновне, королеве Эллинов. Чем же была привлекательна для великого князя В. В. Пушкарева-Котляревская?

В. В. Пушкарева-Котляревская — одна из ведущих петербургских актрис начала века, исполнительница главных ролей в Александринском и Михайловском театрах (Гертруды в «Трагедии о Гамлете, принце Датском» Шекспира, Василисы Мелентьевой в драме А. Н. Островского «Василиса Мелентьева», Тизбы в драме В. Гюго «Анджело», Лукреции Борджиа в трагедии того же названия, царицы Ирины в трагедии А. К. Толстого «Царь Борис» и многих других). Казалось бы — не из августейшего рода, а представительница театрального искусства, да еще и примадонна, но сведения о ней из истории русской культуры также были вычеркнуты. Их нет ни в театральной энциклопедии, ни в каталогах Театрального музея или Театральной библиотеки.<sup>3</sup>

Между тем, ее партнерами по сцене были Е. И. Тиме, В. Ф. Комиссаржевская, М. Ю. Юрьев; а однажды (8 февраля 1900 г.) она сыграла в шекспировском «Отелло» со знаменитым Томазе Сальвини. К ее интеллектуальной характеристике немало добавляет перечень ее адресатов и корреспондентов: в Пушкинском Доме хранятся письма к ней И. А. Бунина, Л. Н. Андреева, В. Н. Давыдова, О. Л. Книппер-Чеховой, А. Ф. Кони, В. Ф. Комиссаржевской, З. Н. Гиппиус, В. И. Немировича-Данченко и др. известных России людей.

Была В. В. Пушкарева-Котляревская, видимо, хороша собой. Ее воспевал в стихотворениях К. Д. Бальмонт: «Я хотел бы тебя заласкать вдохновеньем...» (с посвящением В. В. К.\*\*\*), «Сердце малящая, стройная, гибкая...» (13 марта 1899), «Без слов» (21 марта 1899), автографы которых также хранятся в фонде Н. А. Котляревского.

В 1894 г. Вера Васильевна вышла замуж за филолога Н. А. Котляревского и стала носить фамилию Пушкаревой-Котляревской. Материалы архива ее мужа показывают, что Вера Васильевна была человеком образованным и имела литературные склонности: на многих творческих рукописях академика присутствует почерк его жены. Она помогала ему переписывать отдельные страницы его работ по истории русской литературы (о М. Ю. Лермонтове, И. С. Тургеневе, С. Т. Аксакове, П. В. Анненкове, К. Н. Батюшкове и других). Между супругами явно существовало взаимопонимание: в фонде Котляревского хранится 96 писем Нестора Александровича к жене и 302 ее ответа мужу. Этот факт говорит о том, что у них была потребность в непрерывном душевном и духовном общении (особенно, если принять во внимание, что их расставания — до последнего разрыва — не столь уж часты: ее гастроли, его деловые поездки, визиты к родственникам).

Эпистолярное наследие К. Р. достаточно велико (он никогда не позволял себе оставить письмо к нему без ответа). Но к выбору постоянных корреспондентов он относился очень взыскательно. Такой избранной оказалась и Вера Васильевна Пушкарева-Котляревская, и обретение большой пачки его писем к ней не в его фонде, а в фонде академика Котляревского — факт счастливый! Эти письма не только дополняют наше представление об обоих корреспондентах (особенно о Vere Васильевне), но и свидетельствуют о перспективности архивных поисков.

Дату личного знакомства великого князя Константина Константиновича с В. В. Пушкиревой пока установить не удалось. И хотя их постоянная переписка началась в 1909 г. и закончилась за полтора месяца до смерти К. Р. (16 апреля 1915 г.), среди материалов, относящихся к Пушкиревой, есть признаки их более раннего общения: в 1893 г. она участвовала в литературных «Измайловских досугах», устройтелем которых был К. Р., и в том же году исполняла роль княжны Изабеллы в постановке «Мессинской невесты» Ф. Шиллера в переводе К. Р. Уже из первых писем К. Р. к актрисе становится ясно, что они знакомы, так как он проявляет осведомленность в ее театральном репертуаре, упоминая о исполнении ею роли Кассандры в пьесе Леконта де Лилля «Эринии», Элен в инсценировке «Войны и мира» Л. Толстого, Антигоны в трагедии Софокла, Тизбы в драме В. Гюго «Анджело». Очевидно, актерский талант Пушкиревой стал причиной тому, что К. Р. после «Мессинской невесты» привлек актрису для участия в шекспировской драме «Гамлет» (в его переводе) и дал ей роль Гертруды.

«Гамлет» впервые был поставлен 17 января 1897 г. в «Измайловских досугах» в зале офицерского собрания, в доме на углу Первой роты. Роль Гамлета исполнял автор перевода — великий князь Константин Константинович. В 1899 г. они вместе выступали в Мраморном дворце и 17 февраля 1900 г. — в Императорском Эрмитажном театре. 30 ноября того же года спектакль шел в Александринском театре, а позже — в Китайском театре в Царском Селе.<sup>4</sup>

В письмах К. Р. и Пушкиревой-Котляревской безошибочно усматривается не только признание за ней профессионализма, но и отношение к ней как к незаурядной личности. Так, 28 августа 1913 г. К. Р. пишет ей из Осташева: «Как отрадно, многоуважаемая Вера Васильевна, иметь дело с человеком тонко чувствующим и понимающим...». Их многое связывало, в том числе и любовь к поэзии. Примечательно, что в письме от 16 февраля 1910 г. выясняется, что стихотворение «Когда спадут листья, и ты пойдешь / Искать на кладбище мой крест могильный...» — было прислано Константину Константиновичу и рекомендовано к переводу именно Пушкиревой-Котляревской. Ей же перевод и был посвящен.<sup>5</sup>

В письмах актрисы поэт нередко получал ценные советы (особенно театрального свойства), с благодарностью пользовался ими. Не без оснований же именно ей — никому другому — он первой сообщал о новой (и, как оказалось, последней) своей единственной оригинальной (не переводной) пьесе — «Царь Иудейский». 25 августа 1911 г. он ставит в известность свою корреспондентку: «Вам хочется знать, какой сюжет выбран мной для историч<еской> драмы в стихах. Нет, не из русской, а всемирной истории. Я назвал пока свою драму «Царь Иудейский». Главной в ней лицо — Христос — будет за сценой. Начинается со входа в Иерусалим, когда Он уже вошел в городские врата. Ко 2-му действию еще не приступлено. Оно будет в доме Пилата...».

Через полгода, 10 марта 1912 г., К. Р. отправляет рукопись двух первых действий своей корреспондентке и сопровождает посылку письмом, в котором называет свое новое произведение «главное

мое сокровище», просит ее посмотреть пьесу, главным образом с точки зрения сценографии, не щадя его авторского самолюбия. Письмо содержит также предложение актрисе взять на себя роль Прокулы — жены Пилата.

Почти в каждом письме К. Р. делится с корреспонденткой своими планами, сомнениями, знакомит ее с различными моментами творческого процесса работы над пьесой и просит ее, а через нее и ее мужа — отзывов, и получает их, как правило, положительными.

К весне 1912 г. драма «Царь Иудейский» была завершена и «в тесном кружке» обсуждалась в Мраморном дворце. После этого — 15 (28) апреля 1912 г. — К. Р. в письме высказал опасение, что «драма не будет допущена на сцену ради слишком осязательного, хотя и незримого, присутствия Христа Спасителя». Основания к этим опасениям заключались в том, что по существующей европейской традиции присутствие на сцене образа Христа считалось недопустимым. В пьесе К. Р. сам Христос отсутствует, но именно он и его учение составляют содержание пьесы и определяют смысл поступков всех действующих лиц — и Иосифа Аримоефского, и Никодима, и Прокулы. Действие в «Царе Иудейском» происходит в последние дни земной жизни Христа. На сцене разворачиваются картины торжественного въезда Христа в Иерусалим, толпы, требующей казни мессии, его крестного пути. И хотя самого Христа нет, его портрет живо нарисован в монологе Пилата (2-е действие, 12 картина).

#### **Пилат:**

Выхожу я к ним. Смотрю, перед возвышенным помостом  
Внизу на площади шумит народ;  
Первосвященник, книжники и члены  
Синедриона впереди. Ко мне  
По мраморным ступеням стража сходит  
И Узника ведет. И Он предстал  
Передо мной: без обуви, одетый,  
Как нищий. Но в убогом этом виде  
Величествен казался он, как некий  
Под рубищем скрывающийся царь.  
Он не похож на иудея; сходства  
В нем нет ни с кем из остальных людей.  
С достоинством, спокойно, без движенья,  
Без робости или тревоги  
Он вдумчиво и прямо мне в глаза  
Смотрел. И этот строгий взор как будто  
Преследует меня... Я от него  
И до сих пор избавиться не в силах.

Как и переводные пьесы К. Р., «Царь Иудейский» был снабжен обширным комментарием с историческими справками о действующих лицах.

Вокруг драмы «Царь Иудейский» развернулась широкая политическая кампания. Правые Государственной думы и члены палаты

Михаила Архангела с В. М. Пуришкевичем во главе организовали поход против пьесы, в которой, якобы, все упоминалось имя Богочеловека. Дело дошло до Святейшего Синода. К письму Пушкиревой от 9 (22) августа 1912 г. К. Р. прилагает копию письма члена Синода архиепископа Финляндского по поводу пьесы. Его содержание возмутило К. Р., и он законно предполагал, что и Котляревские будут с ним солидарны. В этом же письме К. Р. сообщил Вере Васильевне о том, что пишет письмо Государю с цитатами из письма вышеупомянутого духовного лица и их опровержением, а также с просьбой разрешить постановку «Царя Иудейского» если не в общественных театрах, то в Эрмитажном или Китайском при содействии «Измайловских досугов». В этом же письме к Пушкиревой содержится интересная параллель между пьесой К. Р. и гоголевским «Ревизором», который, по словам К. Р., «по недомыслию близорукой цензуры не увидел бы сцены, если б не заступничество Николая I». К. Р. выражал мечту «оказаться в положении Гоголя».

Император не мог не согласиться с Синодом, но поставить драму «Царь Иудейский» все-таки разрешил «Измайловским досугам»: это как бы предопределяло любительский характер спектаклей. Узнав об этом в Египте, где он в то время находился на лечении, К. Р. был счастлив. 20 февраля 1913 г. он писал Пушкиревой: «Постановка моей драмы составляет мою любимую, пламенную, заветную мечту, и вот, она как будто начинает сбываться!».

В письмах К. Р. к Пушкиревой-Котляревской, кроме «Царя Иудейского», присутствуют, естественно, и другие сюжеты: К. Р. много и красочно описывал в них природу Египта, рассказывал о себе, расспрашивал о семейных делах своей корреспондентки.

Последнее письмо К. Р. к Пушкиревой-Котляревской написано им за полтора месяца до смерти. Ни по тону, ни по интересу к событиям и людям, ни по почерку в нем не увидишь умирающего человека. Вера Васильевна находилась в это время в армии, была награждена медалью на Георгиевской ленте, с чем Константин Константинович ее успел поздравить. Он еще полон жизненных планов: сожалеет, что не сможет попасть на «вечер поэзии К. Р.» по причине нездоровья, замечая: «теперь лучше, но в город (К. Р. в это время был в Павловске. — Л. К.) еще не пускают». 2-го (15) июня 1915 г. Великого Князя Константина Константиновича, поэта К. Р., не стало.

На этом можно было бы поставить точку в сюжете о переписке К. Р. с В. В. Пушкиревой-Котляревской, если бы не так неразрывно была связана ее дальнейшая, трудная и интересная жизнь с судьбами русской интеллигенции, России, Пушкинского Дома и К. Р., в письмах которого уже завязывались «узелки» будущих драматических сюжетов в участии некогда знаменитой актрисы.

Здесь мы нарушим ход событий, продиктованный письмами К. Р. к Пушкиревой-Котляревской.

Летом 1957 г. академик М. П. Алексеев вошел в Музей Пушкинского Дома с дамой, которую представил: «Кира Несторовна Котляревская». Кто в Пушкинском Доме не знал имени Нестора

Александровича Котляревского, бывшего директора этого научного учреждения? А вот Кира Несторовна выяснила, что она его дочь только после смерти матери, Веры Васильевны Пушкаревой, ознакомившись с ее архивом. К этому времени Кира была уже научным сотрудником кафедры русской литературы и языка Болгарской академии наук. И сразу же приехала в Ленинград, в Пушкинский Дом. Множество фотографий, семейных, с родителями, с отцом, ее маленькой, — первое знакомство.

Кира Несторовна много рассказывала нам об истории ее семьи (мужа, детей), мы узнали, что ее муж был тоже русским эмигрантом и, уезжая из России, взял с собой горсть русской земли. Оба они с мужем в годы Великой Отечественной войны были партизанами. Только позже мы осознали, что волновали-то ее в тот приезд к нам более всего судьбы ее родителей, семьи, в которой она выросла, но об этом она почему-то предпочитала молчать.

Ее визит оставил неизъяснимое впечатление. Через год (или через два?) автор этой публикации в качестве туриста оказался в Софии и первым делом направился по оставленному Кирой адресу. Ее не оказалось дома, и соседка с недоумением поправила: «Она не Кира Несторовна, а Кира Иордановна, и фамилия ее Пехливанова».

Всем, знавшим ее историю, показалась правильной следующая логика: Вера Васильевна Пушкарева-Котляревская, заброшенная событиями революции в Болгарию, была разлучена с мужем, оставшимся в Петербурге, и вышла замуж за болгарина Пехливанова Иордана.

Но материалы фонда Н. А. Котляревского, а отчасти и письма К. Р. к Пушкаревой-Котляревской позволяют прояснить и уточнить эту историю, более сложную и трагическую.

Большую часть своей жизни Кира прожила в сознании, что она — болгарка, Кира Иордановна. А в письмах К. Р. к ее матери поэт неоднократно справлялся о ее дочери Кире. Кроме того, в письме К. Р. к Вере Васильевне от 16 февраля 1910 г. упоминается «дело капит<ана> Пехливанова», которое состояло в просьбе Веры Васильевны к великому князю о содействии его в переводе Пехливанова в русское подданство.

Просьба оказалась трудной даже для великого князя Константина Константиновича. Из других материалов фонда неясно, свершился ли переход Пехливанова в русское подданство, но скорее всего да, поскольку он служил в русской армии начальником штаба Заамурской дивизии. Судя по сохранившимся архивным документам, был он также человеком незаурядным. В фонде Котляревского хранится, например, рукопись предисловия академика к учебнику «Пособие по воспитанию и обучению бойца и войск», автором которого был И. Г. Пехливанов. Показателен и круг его корреспондентов: И. Е. Репин, Я. П. Полонский, М. Г. Савина, К. С. Станиславский, И. Стравинский. Для нашего разыскания важно и то, что в фонде Котляревского находятся и такие документы (№ 32, 83, 835, 1020, 1104), содержание которых говорит о многолетней дружбе Пехливанова с семейством Котляревских. Среди них есть даже распоряжение Веры Васильевны на случай ее смерти — в нем

также упомянуто имя Иордана Георгиевича Пехливанова. Примечательны и его запросы из армии и ответы на них Нестора Александровича о благополучии в их семье.

Очевидно не все было так просто; в письмах И. Пехливанова к В. В. Пушкаревой-Котляревской виден некий определенный оттенок: в письме от 9 мая 1906 г. он называет свою адресатку «божество ты мое»; выразительны и такие признания Пехливанова, как «несуществующий грех» и «бушующая» в его душе «буря». Но, если судить по переписке между супругами Котляревскими, чувство Иордана Георгиевича было односторонним и не отражалось на их отношениях.

И тем не менее их семейная судьба постепенно все более осложнялась. Началась война, и Вера Васильевна ушла на фронт, в качестве сестры милосердия она была зачислена в зубоврачебный кабинет (!). Документы фонда Котляревского свидетельствуют о деятельной натуре этой женщины. В начале войны она написала «Воззвание к русским женщинам» (подпись — русская женщина. 1917. № 861) и эссе «Когда объявили войну» (отрывок, № 813). Она активно участвовала в материальном снабжении армии, в делах «Красного креста». Во время Первой мировой войны, как уже говорилось, была награждена командованием 9-й армии медалью на Георгиевской ленте «за доставку в кипятильнике горячего чая на позиции ночью под огнем противника» (№ 840).

В переписке Пушкаревой-Котляревской с мужем после 1917 г. «пунктиром» намечается ее биография последующих лет (1917—1925). Если принять во внимание решительное изменение обстановки в стране, переписка их достаточно регулярна. В письмах описание фронтовой жизни, обычаев, нравов и т. п., из которых могло бы составить отдельное повествование. Задолго до окончательного отступления Вера Васильевна увидела приметы разложения в армии. 15—16 июля 1917 г. из деревни Александровка она пишет мужу: «С этой разнузданной и озверелой толпой воевать нельзя». И 27 июля: «Солдаты без поясов, с расстегнутыми воротами рубах, курящие, ругающиеся, провожающие свистками и шиканьем экипажи с сестрами, выкрикивающие недостойные замечания...». Редкие письма из Петербурга поддерживают ее: «Установилась связь, и я снова не одна на всем бушующем и подлом мире». Между прочим, писем Нестора Александровича жене в его фонде немного (№ 80), и сохранились только те, что писал он ей до 1909 г. Остальные, возможно, находятся в архиве Веры Васильевны в Софии.

В ее же письмах — ужас и растерянность. Она обращается к мужу: «Мне жутко среди этого разложения». Ее намерения «добраться до Петербурга» совершенно нереальны. 20 января 1918 г. Пушкарева-Котляревская сообщает в Петербург, что до них «докатилась волна большевизма». Сложности в семье усугубляло положение с дочерью: Кира летом 1917 г. находилась в Гурзуфе (очевидно, на отдыхе, с кем-то из близких?). Воссоединиться с нею матери удалось только в ноябре 1917 г.

Ситуация небывалая, Вере Васильевне трудно одной на что-то решиться. «Что ты посоветуешь, — пишет она мужу, — ехать или оставаться тут?». Они с Кирой смогли лишь добраться до Украины.

20 марта 1919 г. датировано ее письмо из Сум, откуда она пишет Нестору Александровичу: «Родной мой, ты стал мне еще дороже и любимее...» И тут же безысходное: «ты прав, надежд уже нет никаких».

Все больше назревает страх разрыва. 26 ноября 1919 г.: «Ну, вот и оборвалось, 4-й день нет почты... Для меня сейчас самое горькое, что нет сообщений с тобой». Ей одной, в отрыве от любимого мужа, надлежит в труднейшей обстановке решать их общую дальнейшую судьбу, и 7 ноября 1919 г. в Петроград доходят тяжелые строки: «Вынуждена сделать попытку все-таки уехать. Иначе я тут больная с ребенком и без всякой поддержки...». За этим последовал зияющий перерыв в их переписке. И только 4 февраля 1921 г. — письмо с обращением «Дорогой, родной, любимый мой Нестор» и адресом: «София, ул. Волкович № 2, третий этаж, В. В. Пушкиревой».

Она все еще пишет мужу, подробно рассказывая, как они добрались, как живут, как устроились, чем зарабатывает: статьями о театре в газетах, уроками декламации. «На жизнь пока имеется довольно», — пишет она 7 ноября 1920 г. Продовольственная тема завершается; 4 февраля 1921 г. в письме сказано: «живем сыто, хорошо». Все еще живет в ее душе беспокойство о муже, она находит возможность пересылать ему посылки, беспокоится о том, что в Пушкинском Доме «трубы лопнули» и «что отопление к зиме не будет готово», — это ее удручает: «Тебе нельзя работать в холоду» (4 сентября 1924 г.). Были в ее письмах к Нестору Александровичу и призывы постараться приехать к ним. Но писем становится меньше, и все большее место в них занимает дочь Кира. Вера Васильевна пишет мужу о привязанности к нему Киры, к которой «присоединяется чувство какой-то влюбленности — недаром она находит, что ты самый красивый и самый умный из людей». А ведь речь идет о Несторе Александровиче как о крестном отце.

С лета 1922 г. почти в каждом ее письме упоминается Юр <Иордан> Григорьевич Пехливанов. Тема сытости — позади, теперь ее волнует другое. 29 апреля 1922 г. Пушкирева пишет мужу: «Я больше всего не люблю ложь, а мне здесь приходится лгать: мне 48 л., я жена и т. д. В зеркало посмотрю и вижу, что начинаю походить на маму, какой ты ее знал». Беспокоит ее и судьба Киры.

Под № 133 в фонде Н. А. Котляревского числятся бумаги о заграничных поездках его в 1922—1924 годах. Научный академический центр командировал Н. А. Котляревского в Париж (за его счет) разведать о возможности получения завещанной России пушкинской коллекции А. Ф. Онегина. Но развязка их личных судеб свершилась в 1924 г. — бракразводное свидетельство от 21 марта (3 апреля), заверенное Епархиальным советом при Управлении Русскими Православными Общинами г. София (ед. хр. 102 в фонде Котляревского).

Брак Н. А. Котляревского и В. В. Пушкиревой, заключенный 12 мая 1894 г. в Петербурге, был «расторгнут по причине нарушения Верой Васильевной Пушкиревой супружеской верности с воспрещением Вере Васильевне Котляревской, урожденной Пушкиревой, вступать во второй брак впредь до отбытия семилетней эпи-



тимии». Нестору Александровичу разрешалось жениться беспрепятственно. Свет на истинное положение вещей проливает письмо Киры от 7 сентября 1925 г. к Н. А. Котляревскому. «Дорогой крестный папа!» — так обращается к нему девочка, а об И. Г. Пехливанове замечает: «Папа все не приезжает, все дела, и мы одни...». Так, вопреки официальному запрету, Вера Васильевна устроила свою судьбу, разрубив этот «гордиев узел».

Допустим кольцеобразное построение второй части нашего повествования: когда в 1957 г. М. П. Алексеев представил музейным сотрудникам Пушкинского Дома Киру Иордановну Пехливанову как Киру Несторовну Котляревскую, она его не опровергла: говорить об этом ей, очевидно, было не так уж легко. Но приехала она в Ленинград, в Пушкинский Дом, именно с целью уяснить для себя всю сложную историю своей семьи, своих родителей.

Первые записи в листах использования семейных документов Котляревских были сделаны именно ею: «Пехливанова» — стояло там. Даты: 8 августа 1957 и 29 июля 1960 годов (она приезжала еще раз). А в одном из листов использования в графе «цель занятий» ее рукой обозначено: «Биография Н. А. Котляревского».

Написана ли была книга о Н. А. Котляревском, какова судьба архива В. В. Пушкиревой-Котляревской и самой Киры Иордановны (Несторовны), автор публикации не знает. Сюжет, можно сказать, недосказанный. Но, как бы то ни было, материалы фонда Н. А. Котляревского помогли раскрыть, кроме творческих моментов работы К. Р. над пьесой «Царь Иудейский», непростую и незаурядную историю одной из русских интеллигентных семей на страшном переломе 1917 года.

---

<sup>1</sup> К. Р. Избранная переписка / Изд. подгот. Е. В. Виноградова, А. В. Дубровский, Л. Д. Зародова, Г. А. Крылова, Л. И. Кузьмина, Н. Н. Лаврова, Л. К. Хитрово; Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999.

<sup>2</sup> См., например, ответы на письма К. Р. известного литературного критика Франции Мельхиора де Вогюз за 1887, 1890 и 1899 гг. См.: *Заборов П. Р. Э. М. де Вогюз. Письма к русским литераторам* // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 210—211.

<sup>3</sup> Несколько раз В. В. Пушкирева упомянута в книге Н. Н. Ходотова «Далекое близкое» (Л.: М., 1962): как окончившая среди лучших в 1898 г. Драматические курсы и принятая на сцену Александринского театра, а также дважды как жена академика Н. А. Котляревского.

<sup>4</sup> Подробнее о «Гамлете» см.: *Кузьмина Л. И. Августейший поэт*. СПб., 1995. С. 122—147.

<sup>5</sup> Стихотворения К. Р. 1879—1912. Пг., 1915. Т. 2. С. 31 (Из Стаккети).